Правовые проблемы

М. А. Южанин

Социально-правовая концепция «коллективных прав» этносов

Южанин Максим Александрович — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, психологии и социального менеджмента Московского авиационного института (Национального исследовательского университета) (e-mail: ioujanin@mail.ru).

Аннотация. В статье рассматривается существующая в рамках сферы этнонациональной политики государства социально-правовая концепция «коллективных прав» этнических общностей.
Ключевые слова: аккультурация, государственная этнонациональная политика, деколонизация, межэтнические и межкультурные отношения, этническая идентификация, этнические элиты.

Обратим внимание на особую составляющую современной этнонациональной идеологии и политики, тесно связанную с мультикультуралистским дискурсом, но пока что относящуюся скорее к области социального проектирования. Речь идет о концепции так называемых «коллективных прав» этнокультурных групп и о возможностях практической реализации данных прав.

Интерес профессиональных обществоведов различного профиля к этой теме не случаен и имеет отнюдь не только теоретико-познавательное значение. Более того, то или иное решение проблемы «коллективных прав» этнических сообществ сегодня становится одной из ключевых составляющих этнонациональной политики едва ли не всех современных государств. Стимулированные глобализацией «этнический ренессанс» и необычайная активизация международных миграций не только открыли новые возможности, но и серьезно усложнили процессы взаимодействия представителей различных культур и народов мира. Практически все нынешние государства — нации стали полиэтническими, но при этом проявления этноцентризма и ксенофобии, структурной дискриминации по этническому признаку, межэтнической напряженности и открытых конфликтов остаются «знаковым» атрибутом се-

годняшней действительности. Вместо консенсусных взаимоотношений и системной интеграции различных этногрупп в рамках единой гражданской нации, мы все чаще наблюдаем многочисленные конфронтационные размежевания. При этом под «прикрытием» этничности нередко скрываются наиболее болезненные экономические, политические и социокультурные противоречия нашего времени.

Сформировавшаяся за последние десятилетия и довольно популярная сейчас (как среди так называемых «либералов», так и среди миноритарных этноцентристов) концепция «коллективных прав» этнокультурных сообществ претендует на то, чтобы разрешить все вышеуказанные проблемы и обеспечить, наконец, прочный социальный и этнический мир и благополучие. Более того, все чаще слышатся утверждения о безальтернативности, необходимости и неизбежности принятия данной концепции как основы этнонациональной политики каждого «прогрессивного» государства и всего глобального социума. Впрочем, специалисты-социологи знают, как опасно безоговорочно доверять каким-либо идеологемам, и потому сначала должны разобраться, что вообще представляют собой «коллективные права», и такой ли уж общепризнанной истиной является их реализация. К тому же в России дискуссии на эту тему пока ведутся преимущественно в рамках научного сообщества, и у нас еще есть время для принятия разумных и взвешенных решений. Конечно, данная работа не претендует на всеобъемлющее рассмотрение обозначенной проблематики и все же может дать ценную информацию для размышлений и последующих исследований.

Следует отметить, что споры о том, допустимо ли признание «коллективных прав» и как они соотносятся с правами индивида, длятся по меньшей мере четверть века, и весьма далеки от завершения. Между тем, в немалом числе текстов, выпущенных либерально настроенными общественными активистами, государственными чиновниками и представителями академической науки за рубежом и в России проводятся представления о том, что: либо а) «коллективные права» — общепризнанная норма и основа международной политической практики, либо б) признание и институциональное закрепление «коллективных прав» этнических групп должно рассматриваться как необходимое условие предотвращения дискриминации и обеспечения прав лиц, относящихся к этнонациональным меньшинствам.

При этом в упомянутых текстах далеко не всегда объясняется значение понятия «коллективные права». Этот термин выглядит весьма неопределенным, и, как замечают специалисты[1], допускает как минимум пять возможных прочтений:

1) индивидуальные права, реализуемые в коллективе, совместно с другими людьми (так называемое коллективное измерение индивидуальных прав);

[1] См.: Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. /Под ред. В. С. Малахова, В. А. Тишкова. — М.: Изд-во ИФ и ИЭА РАН, 2002. — С.124.

2) общие права человека и гражданина применительно к членам определенной группы;

3) специальные права, которыми обладают индивиды, относящиеся к определенной категории;

4) правомочия организации;

5) права социальной общности как таковой («групповые права»).

Когда речь заходит о «коллективных правах» этнокультурных сообществ, адептами этой концепции обычно применяется пятая интерпретация, то есть под «коллективными» правами подразумеваются права конкретной социальной группы (народа, этнической общности, этнонационального меньшинства), а сама группа считается субъектом (носителем) данных прав. Важно именно то, что вся группа как таковая воспринимается как социальная целостность и как социальный актор, который может и должен приобретать определенные субъективные права и пользоваться ими в своих интересах. При этом, как мы уже отмечали, утверждается, что юридическое закрепление этногрупповых прав следует рассматривать:

а) как общественно значимую и общепризнанную реальность,

б) как необходимое и безальтернативное условие недискриминации и защиты меньшинств и как способ достижения этносоциального консенсуса (в том числе в мировом масштабе).

Такой подход подлежит критике сразу с трех точек зрения:

1) с позитивистской юридической, т. е. с той точки зрения, соответствует ли он правовой логике и действующим международно-правовым нормам,

2) с социологической, т. е. исходя из того, насколько он соответствует существующим или желательным социальным реалиям,

3) с чисто логической, т. е. исходя из наличия ложных или безосновательных посылок.

Критический анализ целесообразно начать с юридической стороны дела, поскольку утверждения об общепризнанном характере «этногрупповых прав» делаются именно со ссылкой на современное международное право. Из-за этого многие воспринимают «групповые права» как юридическую и социальную данность, как нечто реально признаваемое и используемое мировым сообществом. Но стоит посмотреть, признается ли на самом деле идея «этногрупповых прав» современным международным гуманитарным правом, и если признается, то в каком качестве и в какой степени. Для этого нужно прежде всего взглянуть на основные международные документы, посвященные правам человека[1].

[1] Перечисляемые далее документы см. : Действующее международное право. — М. : Изд-во Московского независимого ин-та международного права, 2001; Human Rights. A Compilation of International Instruments. Vol. I. (Second Part). — United Nations, New York, Geneva, 1997.

Первое, с чем мы встретимся, заглянув в них, — это так называемое «право народов на самоопределение». Следует упомянуть прежде всего п. 1 ст. 1 Международного пакта о социальных, экономических и культурных правах и Международного пакта о гражданских и политических правах; «право на самоопределение» также декларировано в ряде документов принятых Генеральной Ассамблеей ООН и разными региональными международными организациями. Вопрос о природе и сущности этой идеи — тема отдельной дискуссии, но кратко можно отметить следующее:

1) Как минимум, очень мало оснований считать, будто это «право» действительно относится к этническим коллективам. Если под «народом» понимается сообщество граждан независимых государств или зависимых территорий, то формула «права на самоопределение» в том виде, как она изложена в упомянутых Пактах о правах человека, в первом случае выступает синонимом принципов суверенного равенства государств и невмешательства во внутренние дела, а во втором — может означать лишь разовый акт с сомнительными перспективами практической реализации. Если «народ» понимается в каком-либо ином смысле, то нет оснований утверждать, что п. I ст. 1 Пактов налагает на государства какие-либо конкретные обязательства, а декларации Генеральной Ассамблеи ООН не имеют к тому же обязывающей силы по своему статусу.

2) Как максимум, можно спорить с тем, что эта идея носит правовой характер, по ряду причин. Во-первых, этническая общность не может быть субъектом ответственности, соответственно не может иметь обязанностей, а потому не обладает свойством правосубъектности. Имеющиеся формулировки идеи права на самоопределение таковы, что невозможно говорить о том, что они накладывают на кого-либо позитивные обязательства. Следовательно, невозможно говорить о правовой норме и правоотношении как таковых. Во-вторых, самоопределение предполагает односторонние действия вне правового контекста и без каких-либо условий и ограничений, т. е. основано на революционной, а не правовой логике. Наконец, формула самоопределения как идея неограниченных правомочий субъектов, противостоящих государству, означает отрицание самих основ современного международного права как конвенционального порядка, созданного государствами и для государств. Особого внимания заслуживают и потенциальные политические последствия злоупотребления правом на самоопределение — провоцирование этнических конфликтов, сецессии и легализация вмешательства во внутренние дела других стран (вспомним ситуацию в Югославии или Ираке).

Если обратиться к документам ООН и ее специализированных агентств, затрагивающим проблемы предотвращения расовой дискриминации и защиты меньшинств, прежде всего к Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г., Конвенции № 111 Международной организации труда относительно дискриминации в области труда и занятий

1958 г., Конвенции ЮНЕСКО о борьбе с дискриминацией в области образования 1960 г., Декларации ООН о правах лиц, относящихся к этническим, языковым и религиозным меньшинствам, 1992 г. (Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 47/135), то выяснится, что они целиком и полностью базируются на концепции индивидуальных, а не коллективных прав. Нормативные документы Совета Европы, в частности Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств, основываются на том же самом принципе. В статьях 13 и 31 Пояснительного доклада к Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств специально подчеркивается, что конвенция не подразумевает признания коллективных прав. Аналогичные формулировки, использующие только концепт индивидуальных прав, содержатся в документах СБСЕ/ОБСЕ, посвященных этнонациональным меньшинствам, и в двусторонних межгосударственных договорах, содержащих обязательства сторон по защите меньшинств. Например, с 1991 г. Российская Федерация подписала и ратифицировала ряд договоров подобного рода; подавляющее большинство их содержат формулировки о защите прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, и лишь отдельные договоры упоминают о защите «прав национальных меньшинств» и обеспечении «участия меньшинств» в жизни общества, но с отсылкой к международным стандартам и обязательствам, т. е. тем же индивидуальным правам.

Помимо вышеупомянутых деклараций о «праве народов на самоопределение», существуют несколько документов, провозглашающих «право народов на мир», «право на здоровую окружающую среду», «право на развитие», «право на развитие культуры» и «право народов на пользование природными ресурсами». Такого рода права провозглашаются в Декларации «О праве народов на мир» 1984 г. (Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН *№* 39/11), Декларации «О праве на развитие» 1986 г. (Резолюция ГА ООН № 41/128), Рио-де-Жанейрской Декларации по окружающей среде и развитию, принятой Всемирной Конференцией ООН по окружающей среде и развитию 1992 г., Декларации ЮНЕСКО о принципах международного культурного сотрудничества 1966 г., Африканской Хартии прав человека и народов 1981 г. Но эти права сформулированы таким образом, что возникают серьезные основания воспринимать их как метафорические нормы-идеалы, а не как права в юридическом смысле. Все указанные документы оставляют субъектов и бенефициантов провозглашенных прав неопределенными, не устанавливают ни механизмов контроля, ни механизмов защиты этих прав и очень расплывчато говорят о носителях обязанностей.

По существу, единственным международно-правовым актом, последовательно реализующим концепцию групповых прав этнокультурных сообществ (аборигенных народов), является Конвенция № 169 Международной организации труда «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни, в независимых странах» 1989 г. Впрочем, эта конвенция едва ли может

рассматриваться как общепризнанный стандарт: ее ратифицировали к настоящему времени государств, она посвящена решению довольно специфических и не имеющих универсального распространения проблем и принята с оговоркой о недопустимости расширительного толкования своих положений. В целом же, развитие основных международных инструментов защиты меньшинств и предотвращения дискриминации проходит исключительно в рамках концепции индивидуальных прав и коллективного измерения индивидуальных прав. Поэтому, часто встречающиеся утверждения в том духе, что «весь мир признает коллективные права», не соответствуют действительности.

Однако было бы упрощением оценивать сложившуюся ситуацию только на основании формальных критериев. Хотя концепт этногрупповых прав пока не нашел применения как компонент международного права, но тенденция разработки и обоснования данной идеологемы вполне очевидна в рамках обществоведческого дискурса, который не может конечном счете не влиять на позицию правительств и международных организаций. Это направление академических или квазиакадемических изысканий поддерживается представителями разных наук — прежде всего политической философии и юриспруденции, в меньшей степени политологии, социологии и теории международных отношений. Большинство «рациональных» доводов в пользу этногрупповых прав носит умозрительный характер, и они различаются по своей аргументации. Приведем наиболее распространенные из суждений.

1) *Мнимая самоочевидность*. «… Любое сообщество, члены которого могут голосовать, в состоянии действовать как единый организм». Иными словами, это идея «коллективного индивида»; доводы в ее пользу выглядят следующим образом: группа одинаковых индивидов, в частности этнонациональное меньшинство, может вести и ведет себя как один большой индивид, а потому способно приобретать и реализовывать права, следовательно, такие права должны быть признаны и конституированы. Как правило, это положение берется как априорное и не нуждающееся в доказательствах. Этнонациональные меньшинства нередко рассматриваются как разновидность корпоративных общностей, а так как корпорации могут иметь права, то делается вывод, что права могут быть признаны и для групп. Между тем, столь же априори и как минимум с неменьшим основанием можно выдвигать прямо противоположное утверждение: любая социальная общность, представляемая как целостность на основании какого-то признака, состоит из людей с разными интересами, индивидуальными стратегиями поведения, и потому групповым правам просто не находится адекватного субъекта, конституирование же такого права не может не приводить к игнорированию прав и интересов конкретных индивидов.

2) *Мнимая сущность*. Групповые права меньшинств нужны, поскольку такова суть этих прав: они не сводимы к индивидуальным правам и реализуются только в рамках определенной группы и, что важнее, конституируются для определенной группы. Например, право пользоваться родным языком в пу-

бличной сфере и право получать образование на родном языке не реализуются отдельно взятым индивидом, но культурно или лингвистически отличительной группой. Но здесь имеют место две некорректные операции.

Во-первых, происходит юридическая инверсия: обязывающая норма переписывается как субъективное право. Во-вторых, одно толкование «коллективных прав» (коллективное измерение индивидуального права) подменяется другим (правом всей группы как таковой). Ранее уже отмечалось, что социальное множество типа этнической группы не может быть носителем юридических обязанностей, а потому не может иметь такого свойства, как правосубъектность, и не в состоянии быть стороной правоотношения.

Иногда коллективные права определяются[1], как те права, которые могут быть нарушены исключительно в отношении «сообщества в целом». Красивая на первый взгляд формула при более внимательном рассмотрении оборачивается или логическим порочным кругом, или описанной выше подменой — коллективного измерения индивидуальных прав правом социальной общности как таковой. Часто в качестве права, которое может быть нарушено только в отношении сообщества называется право сохранять и развивать культурную самобытность. Таким образом, сначала постулируется некое право как право сообщества в целом, а затем следует утверждение, что такое право можно нарушить только как право сообщества. Надо, однако, прежде всего доказать, что подобное право может быть конституировано и именно в таком качестве. Если рассмотреть, к примеру, названное право на сохранение самобытности, то по существу оно окажется неотличимо от индивидуальных прав, имеющих коллективное измерение. Любое из последних может быть нарушено в отношении индивида, части определенной социальной категории или категории в целом. Точно также право на сохранение самобытности в любой формулировке может нарушаться и в отношении культурно отличительной общности в целом, и в отношении ее части (например, применительно к какой-то территории или каким-то нелояльным организациям).

Самый главный аргумент против мнимой сущности этногрупповых прав заключается в следующем: данный подход необоснованно наделяет правом на культурно-коммуникативную отличительность лишь этнические общности в целом и отказывает в нем рядовому индивиду и всем субэтническим и надэтническим объединениям людей. В таком случае этничность фактически превращается в социокультурную и социально-психологическую «клетку», образованную унифицированными стереотипами восприятия и поведения и заранее заданными жизненными сценариями. Создание подобной «клетки» выгодно прежде всего авторитарным этническим элитам, стремящимся сделать всех представителей «своей» этногруппы максимально схожими между

[1] См. : *Сингер Б. Дж.* Демократическое решение проблем этнического многообразия. // Вопросы философии. — 1994. — № 6.

собой и, следовательно, легко предсказуемыми и управляемыми. К сожалению, сегодня именно так действуют многие лидеры мигрантских общностей, настроенные на автаркию и всячески препятствующие полноценной интеграции своих соотечественников в новый, принимающий социум.

3) *Условная гарантия*. Признание групповых прав — гарантия неприкосновенности автономных институтов меньшинств со стороны государства и этнического большинства. Иными словами, декларирование в международных конвенциях или национальном законодательстве прав этнических групп на пользование языком, на автономию, на поддержание образовательных институтов и др. должно служить инструментом, предотвращающим нарушение государством своих обязательств и покушение со стороны правительства на возможности и ресурсы, которыми пользуются меньшинства. Наиболее последовательно такой подход отстаивает канадский философ Уилл Кимличка. Можно встретить другую разновидность подобных аргументов — утверждения о том, что конституирование групповых прав является необходимым условием сохранения групповой идентичности, поскольку признание государством групповой отличительности невозможно без признания прав группы, т. е. без рассмотрения группы меньшинства в качестве своего рода квазинации с некоторыми атрибутами суверенитета.

Очевидно, однако, что если государство законодательно гарантирует поддержку социальных институтов, удовлетворяющих запросы меньшинств, и если это государство является правовым, то оно будет следовать своим обязательствам вне зависимости от того, провозглашены формально права этногрупп или нет. Если государство склонно игнорировать свои законы и обязательства по соображениям политической конъюнктуры (к чему склонны многие автократические и переходные режимы), то декларации о правах групп или провозглашение автономии каких-либо институтов не помешают правительству нарушить свои обещания. Стремление напугать государство громкими словами, записанными в международных декларациях или национальных законах, выглядит довольно наивным.

Мысль о том, что конституирование групповых прав необходимо как инструмент защиты групповой «идентичности» подразумевает следующее: поскольку собственно к поддержке культурных и образовательных институтов этногрупповые права отношения не имеют, их предназначение заключается в том, чтобы служить инструментом защиты межгрупповых границ и символическим капиталом для лиц, претендующих на представительство «своих» народов и культур. Это означает, что межэтнические барьеры и монополия «этнических элит» на представительство и власть выступают как цели и как ценности сами по себе. Такой подход объясним и логичен, но он явно не имеет ничего общего с идеями демократии и этносоциальной интеграции.

Особого рассмотрения заслуживает идея «права этнической группы на автономию». Некоторые авторы пишут о подобном праве как о если не юри-

дической, то политической реальности или как минимум об общезначимом нормативном требовании. Как правило, имеется в виду территориальная автономия этнической общности и для этнической общности, т. е. выдвигается идея, что определенная территория и автономные институты территориального управления являются «собственностью» определенной этнической группы. Подобные представления очень часто служат наглядным образцом «двойного стандарта»: получается, что как минимум символическое исключение из полноправной категории тех, кто не относится к «титульному» этносу, неприемлемо на уровне государства в целом, но должно приветствоваться на уровне региона или муниципального образования. Защита «автономии меньшинств» в подобном значении особенно интересно звучит в устах людей, известных как теоретики либерализма.

4) *Псевдопрагматизм*. Этногрупповые права нужны, поскольку их признание позволяет снизить политическое давление со стороны ассоциаций меньшинств и повысить уровень легитимности существующей государственности в глазах меньшинств. Иными словами, если группы меньшинств будут восприниматься и признаваться в качестве квазинаций со своими «правами», то «этнические элиты», претендующие на представительство и власть, обретут желаемый статус, и это послужит залогом их лояльности существующей государственности и политической системе. На это можно возразить, указав на отсутствие достаточных оснований и предположив совершенно иной исход: если «этнические элиты» в принципе склонны к деструктивным действиям и лояльны закону только условно, то кто может поручиться, что, получив дополнительные ресурсы и новый символический капитал, они изменятся и не выдвинут новые, более радикальные требования. Нельзя, разумеется, исключать того, что в конкретной обстановке стратегия социального подкупа и политических уступок даст желаемый эффект, но в любом случае предположение об универсальной применимости и надежности таких рецептов весьма сомнительно.

Таким образом, имеющиеся умозрительные аргументы в пользу этногрупповых прав можно легко оспорить. Многие из них выдвигаются без достаточных оснований, исходя из спорных посылок, с сомнительной претензией на универсальность, игнорируя наличие иных подходов и решений, без учета возможных или неизбежных побочных последствий, которые вступают в противоречие с провозглашаемыми целями. На любой умозрительный довод в пользу этногрупповых прав в рамках той же системы ценностей и представлений можно предложить контрдоводы, которые авторами выдвигаемых предложений не учитываются. Но самое главное — вполне возможно демократическим путем решить существующие в мире этносоциальные проблемы, используя уже имеющиеся концепты прав человека и гражданина и «коллективного измерения» индивидуальных прав. Напротив, всеобщее государственное признание и реализация особых этногрупповых прав в лучшем слу-

чае не изменит сложившуюся ситуацию, а в худшем — серьезно осложнит ее. Выгоду для себя, скорее всего, извлекут лишь различные «этнические элиты», претендующие на доступ к социально значимым благам и ресурсам и фактически узурпирующие право представлять свои народы и культуры. При этом неизбежны внедрение интерпретаций этничности в духе расово-биологического примордиализма и настоящий диктат идеологемы «этнокультурной гомогенности», лишающий «рядовых» индивидов возможности свободно формировать свою идентичность и модели социально-культурного поведения. Наконец, распространение «коллективных прав» этногрупп способно существенно подорвать основы системной интеграции полиэтнических наций. Более того, руководствуясь идеями групповых прав, можно придумать неограниченное количество последних для любой социальной категории и узаконить тип общественного устройства, когда «все равны, но некоторые — более равные, чем остальные». В результате, вместо гражданского общества «без цветов и границ», к которому призывал стремиться еще М. Лютер Кинг, мы рискуем оказаться в сегрегированном социуме, разделенном многочисленными стратовыми, этническими, конфессиональными, лингвистическими, расовыми и прочими барьерами и «разломами». Пока еще есть возможность избежать подобного исхода.

Список литературы

1. *Лебедева Н. М.* Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М. , 1999.
2. Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под ред. В. С. Малахова, В. А. Тишкова. М. : Изд-во ИФ и ИЭА РАН, 2002.
3. *Серл Д.* Политика и гуманитарное образование // Отечественные записки. 2002. № 1.
4. *Сингер Б. Дж.* Демократическое решение проблем этнического многообразия // Вопросы философии. 1994. № 6.
5. Этничность и власть в полиэтничных государствах. М. , 1994.
6. Human Rights. A Compilation of International Instruments. Vol. I. (Second Part). — United Nations, New York, Geneva, 1997.

© Южанин М. А., 2012